

Роль Хуацяо в политической и экономической жизни стран Юго-Восточной Азии

*Оганисян А. Ю.
Российско-Армянский (Славянский) университет (Армения, Ереван)
undermazd@mail.ru*

Ключевые слова: КНР, Хуацяо, Юго-Восточная Азия, новая миграция, «Бамбуковая сеть»

Խուացյառ-ի դերը Հարավարևելյան Ասիայի պետությունների քաղաքական և տնտեսական կյանքում

*Հովհաննիսյան Ա. Յու.
Հայ-Ռուսական /Մլավոնական/ համալսարան /Հայաստան, Երևան/
undermazd@mail.ru*

Անփոփում՝ Չինական սփյուռքն աշխարհի ամենահին սփյուռքներից մեկն է, իսկ քանակապես ամենամեծն է: Այս հոդվածը առանձնահատուկ ուշադրություն է դարձնում Հարավարևելյան Ասիայի պետությունների քաղաքական և տնտեսական ոլորտներում չինական սփյուռքի ազդեցության վրա: Բացի այդ, հեղինակը անդրադառնում է չինական սփյուռքի յուրահատուկ դերին որպես միջնորդ Չինաստանի և Հարավարևելյան Ասիայի պետությունների միջև:

Վճռորոշ բառեր՝ Չինաստան, Խուացյառ, Հարավարևելյան Ասիա, նոր միգրացիա, «Բամբուկե Ցանց»

The Role of Huaqiao in the Political and Economic Life of the States of Southeast Asia

*Hovhannisyan A. Yu.
Russian-Armenian (Slavonic) University (Armenia, Yerevan)
undermazd@mail.ru*

Abstract: The Chinese Diaspora is one of the oldest Diaspora, and in terms of numbers, it is considered the largest Diaspora in the world. This article focuses on the evaluation of the provisions and the impact of the Chinese Diaspora in the economic and political sphere of the host communities in the Southeast Asia. In addition, the author focuses on the complex role of Huaqiao as a conduit of the interests of China and China's possible dominance tool in the Southeast Asia, and as an independent player in the world of international processes.

Keywords: China, Huaqiao, Southeast Asia, new migration, «Bamboo Network»

В странах Юго-Восточной Азии проживают более 3/4 от всех представителей китайской диаспоры. Они составляют чуть более шести процентов от населения всех государств ЮВА: 76% населения Сингапура, 24% – Малайзии, 14% – Таиланда, 11,2% – Брунея, 3% – Индонезии, 3% – Лаоса, 3% – Мьянмы, 1,5% – Филиппин, 1,1% – Вьетнама, 1% – Камбоджи [Ханна Ник. 2010: 13]. В определенных государствах ЮВА доля китайского населения имеет тенденцию к снижению. К примеру, за последние несколько десятилетий доля китайцев в Малайзии резко уменьшилась и это несмотря на то, что в страну пребывает новый приток мигрантов из КНР. Так, в конце 1950-ых годов китайцы составляли примерно 40% от населения Малайзии, а к середине 1990-ых годов данная цифра опусти-

лась до 32%. Согласно же последним данным переписи населения в Малайзии, которая была проведена в 2010 году, этнические китайцы составляют 24% от населения страны [Murray L. W. 1996: 47]. В соседнем Брунее этнические китайцы составляли около 25% от населения страны в 1990 году, а согласно же результат последней переписи населения в небольшом королевстве, которая так же была проведена в 2010 году, представители китайской общины составляют чуть более 11% от населения данного государства. Естественно, что тенденция к снижению численности этнических китайцев в указанных странах имеет различные причины. К примеру, в Брунее это обусловлено «политикой гонения» со стороны властей королевства в отношении этнических китайцев. В Малайзии же успешно реали-

зуется «демографическая политика», которая прямо влияет на высокий темп прироста коренного населения страны.

Несмотря на то, что имеется общая схожесть китайских общин в странах Юго-Восточной Азии, мы можем выделить ряд отличающих моделей по положению и степени ассимиляции в обществе: *ассимилировавшиеся (Вьетнам, Таиланд и Филиппины), неассимилировавшиеся диаспоры (Малайзия и Индонезия), и занимающие доминирующее положение (Сингапур)*. Вследствие низкой степени ассимилированности этнических китайцев, местные власти стали проводить своеобразную политику в отношении последних. К примеру, в Малайзии сразу же после получения независимости власти предпринимали активные шаги по формированию малайской идентичности, естественно, исключив оттуда китайское население страны, что в свою очередь привело к тому, что стали формироваться китайские анклавы. Религиозные вопросы также выделяют китайскую диаспору из основной части мусульманского общества Малайзии. Как вы знаете, абсолютное большинство населения Малайзии исповедует ислам суннитского толка, в то время как многие этнические китайцы являются атеистами или христианами. Различие религиозного мировоззрения является основной проблемой при заключении межнациональных браков в Малайзии, что, в свою очередь, сильно уменьшает возможности для этнических китайцев к ассимиляции в малайском обществе.

В соседней Индонезии ситуация более напряженная. Индонезийское общество на протяжении веков относится с традиционным недоверием к этническим китайцам. Так, в 1966 году там вспыхнули массовые погромы китайцев. Данные гонения на этнических китайцев закончились гибелью более полумиллиона китайцев. В дальнейшем властями индонезийского государства было принято антикитайское законодательство, которое, по сути, провело некую разделительную черту между этническими китайцами и местным населением, практически не оставив возможностей для ассимиляции этнических китайцев. Получение индонезийского гражданства этническими китайцами данной страны также было проблемным в течение длительного времени. Так, в 1960-е годы более 50% этнических китайцев, которые проживали в Индонезии, не обладали индонезийским гражданством. Лишь к концу 1970-х годов натурализация для этнических китайцев Индонезии была несколько облегчена. Однако к этому времени в Индонезии уже сложилась замкнутая и выделенная китайская диаспора. Конечно, закрытие в 1970-е годы десятков китайских школ и запрет на китайскую

прессу привели к определенному уменьшению численности этнических китайцев, которые могли бы говорить на родном языке, но эта политика не привела к той значительной ассимиляции, которую предполагали власти Индонезии. В Индонезии китайская диаспора строго делится на две основные группы:

1. **«Перанакан»** – основная группа, потомки поселенцев, которые прибыли на Индонезийский архипелаг еще до середины XX века;

2. **«Тоток»** – китайцы в первом и втором поколении

«Перанакан» в основном говорят на индонезийском языке и в абсолютном большинстве ассимилированы, «тоток» же говорят на родном китайском языке, а также активно сохраняют национальную культуру. В данном случае необходимо отметить также тот факт, что понятие «перанакан», которое родилось в Индонезии, в дальнейшем получило широкую известность во всем регионе и распространилось по всей ЮВА. Некоторые исследователи-диаспорологи в настоящее время используют понятие «перанакан» в более широком смысле и определяют их «как детей от смешанных браков между представителями местных наций и китайцами во всех странах Юго-Восточной Азии» [Shiwrat W. 1992: 20].

Больше всего этнические китайцы в данном регионе были ассимилированы в Таиланде. Большинство специалистов отмечают, что из-за довольно высокого уровня ассимиляции пришлых этносов идентификация граждан Таиланда, имеющих китайское происхождение, а также определение «тех, кто является китайцами» в настоящее время представляет определенные сложности [Shiwrat W. 1992: 22]. В столице Таиланда Бангкоке есть десятки «чайна-таун», но все же большая часть этнических китайцев рассеяно по всему городу. Абсолютное большинство китайцев Таиланда не говорят на родном языке и используют тайские имена. Однако необходимо отметить, что китайская диаспора в данной стране дистанцируется от тайского населения не по этническим, а по экономическим признакам и характеристикам, являясь по своей сути весьма богатой и имеющей могущественное влияние в государстве. Традиционно в Таиланде сформировались две основные группы этнических китайцев:

1. *китайцы, говорящие по-китайски;*

2. *«лук цын» – китайцы, говорящие на тайском*

В Таиланде также, как и в Индонезии, сформировалась довольно крупная прослойка «перанакан», которая обуславливается высоким уровнем межнациональных браков в данной стране.

Но в тоже время необходимо отметить то, что в Таиланде этнические китайцы смогли сохранить традиционную китайскую систему «гуанси», а вместе с ней сохранилась семейная иерархия и система организации бизнеса [Smalley W. A. 1997: 67].

Не менее успешной была политика по ассимиляции этнических китайцев на Филиппинах, которая проходила в довольно-таки директивном порядке и, скорее всего, именно по этой причине столь успешна была реализована. Для того, чтобы не потерять свой бизнес и инвестиции этнические китайцы на Филиппинах во второй половине 1950–1960-х годов были вынуждены брать местные имена, принять местную культуру и традиции, а также перестроить собственную систему ведения дел. Таким образом, китайцы на Филиппинах большей частью ассимилировались. В общей численности населения страны доля этнических китайцев невелика, однако вследствие распространенности межнациональных браков количество филиппинцев с китайскими корнями составляет от двух до четырех миллионов человек (помимо 1,1 млн. этнических китайцев) [李安山 2006: 173]. К слову, данная группа себя идентифицирует не как «перанакан» или потомственных китайцев, а как филиппинцев. Опять же, это только подчеркивает высокую степень ассимиляции. Основная масса существующей китайской диаспоры на Филиппинах – это этнические китайцы в первом и втором поколениях.

Власти ДРВ в середины 1950-х годов во Вьетнаме проводили политику постепенной ассимиляции этнических китайцев. Уже к середине 1960-х годов статус китайского языка был низведен до иностранного. После же объединения Вьетнама в 1975–1976 годах, меры, принимаемые в отношении этнических китайцев, сконцентрированных в большинстве своем на юге страны, стали еще жестче, что вынудило многих покинуть страну. Многие исследователи полагают, что именно в это время появились так называемые «лодочники» («boat people»), то есть этнические китайцы, которые пытались покинуть Вьетнам на лодках и перебраться в другие страны. Вследствие данной политики в 1978–1979 годах произошел наплыв китайских беженцев в близлежащие страны региона ЮВА. За период 1975–1979 годов около 500 тысяч этнических китайцев покинуло Вьетнам, из них более 200 тысяч перебрались в Китай, а оставшиеся 250–300 тысяч в другие страны Юго-Восточной Азии [Колесник Н. Н. 1996: 56]. Оставшиеся же во Вьетнаме этнические китайцы были вынуждены ассимилироваться. В китайской диаспоре Вьет-

нама исторически сформировались 4 группы китайцев:

1. «хуа» – потомки поселенцев, приехавших до середины XX в. (основная группа);
2. «нгай» – потомки мигрантов из провинций Гунси и Хайнань;
3. «сань део» – потомки мигрантов из провинции Гуандун XVI-XVII вв.;
4. вьетнамцы китайского происхождения.

В небольшом Сингапуре этнические китайцы составляют более 75% от населения города-государства. Этническим же меньшинством там являются малайцы и индийцы. Со времени обретения независимости власти Сингапура работали над созданием сингапурской идентичности. Первым языком в школьной программе стал английский язык, а китайский изучается лишь в качестве второго языка. Однако необходимо отметить, что именно китайская культура является фундаментом для новой сингапурской идентичности, равно как китайская этика бизнеса и традиционная система «гуанси» главенствуют в экономике страны.

Вне зависимости от уровня ассимиляции китайского населения, в целом, для всех стран ЮВА характерна одна черта – ситуацию национальной самоидентификации этнических китайцев в этих странах во многом изменил стремительный рост Поднебесной. Подъем китайской экономики способствовал ориентации китайцев всего региона на бизнес с КНР, вызвав тем самым рост соответствующего этнического самосознания. Во многих странах ЮВА появилась новая мода – быть китайцем. Кроме степени ассимиляции, важным для понимания роли этнических китайцев в странах ЮВА является вопрос отношений с местным населением, которые далеко не везде складываются гладко. Наиболее проблемным данный вопрос является для Индонезии, которая особо подвержена массовым всплескам насилия против этнических китайцев. Как правило, объектом насилия со стороны местного населения становятся китайские магазины, храмы или банки, принадлежащие этническим китайцам. В 1998 году в Индонезии произошли страшные китайские погромы, которые унесли жизни тысяч этнических китайцев, а также были уничтожены десятки китайских магазинов и различных учреждений. Естественно, после этого десятки тысяч китайцев покинули Индонезию и перебрались в Сингапур, увезя с собой более 80 миллиардов долларов США [Long S. 1998: 62]. В различное время антикитайские гонения и выступления также имели место в Мьянме, Малайзии и во Вьетнаме.

С момента обретения независимости странами Юго-Восточной Азии этнические китайцы

постоянно подвергались со стороны властей или же местного населения к дискриминации. Такое отношение вызвано их значительным экономическим влиянием и попытками его уравновесить, дав больше прав коренным жителям. К примеру, новая экономическая политика в Малайзии, направленная на увеличение доли малайского населения в экономике страны, существенно ударила по интересам этнических китайцев. Необходимо отметить, что аналогичная политика в разное время проводилась в Филиппинах, Вьетнаме и Индонезии. В Малазийском обществе, где доля этнических китайцев от населения страны наибольшая среди стран ЮВА (помимо Сингапура), и в настоящее время встречаются элементы сегрегационной политики в различных сферах – образовании, бизнесе и др. В Индонезии же ярко проявляется сегрегация в политической сфере государства. В Малайзии этнические китайцы хоть и представлены в политике, и даже занимают высокие посты, но их возможности, естественно, ограничены. На Филиппинах и в Таиланде же напротив, этнические китайцы могут достичь высших политических постов.

Как правило, китайские диаспоры в странах ЮВА напрямую не участвуют в политике. Основную силу китайской диаспоры составляет ее экономическая мощь, поэтому, несмотря на трудности продвижения в политике, китайские диаспоры сохраняют значительные экономические рычаги лоббирования собственных интересов, и таким образом, зачастую оказываются достаточно крепко связаны с политическими силами [Таблицу № 1]. Спонсирование предвыборных кампаний, взятки, «откаты» – это только часть их инструментов влияния на политическую сферу. К тому же, именно этнические китайские компании часто образуют связку между политикой и бизнесом. К примеру, согласно мнению некоторых экспертов, именно китайские компании помогли семье президента Сухарто занять доминирующие позиции в экономике Индонезии, за счет чего этнические китайцы смогли уберечь свой бизнес, сохранить влияние и получить определенные преимущества (эксклюзивные контракты, кредиты и т.д.).

Китайская диаспора ЮВА не только контролирует значительную часть экономики данного региона, но и активно инвестирует в экономику КНР. В Таиланде китайцы контролируют более 80% компаний, котирующихся на фондовой бирже, в Малайзии – 62%, на Филиппинах – более 50%. В Индонезии китайцам принадлежат 17 из 25 крупнейших концернов и 70% корпоративных активов в стране [Murray L. W. 1996: 87]. Девять из десяти тайских крупнейших компаний основаны и развиваются при активном участии

этнических китайцев, кроме того китайцы контролируют четыре крупнейших частных банка Таиланда. По мнению Хэйдвис М., около 12 китайских семейств владеют состоянием свыше пяти млрд. долларов США, а 16 из 200 самых богатых людей мира – представители китайской диаспоры в ЮВА [Heidhues M. 1992: 32]. Китайские интересы представлены как в традиционных сферах, таких как финансы, торговля, общественное питание и рекреация, так и в различных секторах промышленности.

Таблица №1
«Степень воздействия китайского меньшинства на экономику стран ЮВА» (2014)

Страна	Доля в численности населения (%)	Доля в ВВП (%)
Таиланд	14%	60%
Индонезия	3%	70%
Филиппины	1,5%	70%
Малайзия	24%	50%
Сингапур	76%	90%

Новый же поток китайских мигрантов в начале XXI века оказал сильнейшее влияние, прежде всего, на те государства ЮВА, где китайские общины были относительно немногочисленны, такие как Камбоджа, Лаос и Мьянма. Новая миграция в эти страны увеличивается по мере роста экономического сотрудничества между ними и КНР. Она привела к расширению существующих диаспор и укреплению их связей с КНР. К примеру, основная масса китайцев в Мьянме – это «новые мигранты». Китайское население Мьянмы в 1950–1980 годах насчитывало около 400 тысяч человек. С середины 1980-х годов Китай наладил активное торговое сотрудничество с данной страной. Китайские предприниматели начали активно осваивать экономику Мьянмы, что открыло канал для активной миграции. Большую часть китайских мигрантов составляют обычные рабочие, а меньшую – специалисты. Страны, где китайцы проживали с давних времен, были менее подвержены влиянию новой миграции. Немало новых мигрантов переехало на Филиппины, используя существующие эмигрантские сообщества, и они активно интегрировались в данные сообщества. Таиланд, являющийся крупным транзитным центром китайской миграции в развитые страны, также стал реципиентом определенного количества новых мигрантов. В основном изначально являясь транзитными мигрантами, они оседали в Таиланде и отказывались от дальнейшего переезда. Индонезия стала единственной страной Юго-Восточной

Азии, которую почти не задела волна новой миграции из КНР. Этнические китайцы, проживающие в Индонезии, в основном являются потомками китайцев, переселившихся туда до начала XX века. Переселившиеся в Индонезию в 1990-е годы китайцы по большей части были тайваньскими инвесторами, искавшими возможности для вложения капиталов. Новая китайская миграция привела только к усилению позиций традиционной китайской диаспоры в странах Юго-Восточной Азии, а также укрепила их связь с исторической родиной - КНР. При этом, она не претерпела значительных изменений в своей структуре по сравнению с диаспорами в других странах, например, в США или Австралии, однако и в ней произошло увеличение доли говорящих по-китайски людей, идентифицирующих себя как этнических китайцев.

В заключении можем отметить, что китайская диаспора в Юго-Восточной Азии по мере своих возможностей делают все, чтобы содействовать развитию и прогрессу не только стран проживания, но и активно участвовать в модернизации своей этнической родины - Китая. По сути, хуацяо является неким «мостом», который соединяет и способствуют установлению доверительных и дружеских отношений между Китаем и странами проживания. На наш взгляд, фундаментом современной диаспоральной политики Китая послужили идеи Дэн Сяопина. Особого внимания заслуживает следующий тезис Дэн Сяопина: «Если говорить о Китае, возможностей для значительного развития у него не так уж много. Однако, в отличие от других стран мира, у него есть свои особые возможности. Например, у нас есть несколько десятков миллионов патриотов – соотечественников за морем, они уже внесли большой вклад в развитие страны»¹. Китайская диаспора вряд ли когда-нибудь, даже при самых благоприятных условиях, способна будет полностью вернуться на этническую родину. Появление масштабной диаспоры в силу известных исторических причин - это свершившийся факт, который, однако, при эффективной организации диаспоральной политики, способен оказывать действенную помощь и исторической родине, и самой диаспоре. Отсюда задача укрепления диаспоры как объекта и субъекта китайской политики через капитал, самоорганизацию, образование и связь с этнической родиной. Это важно и по той причине, что, находясь вне КНР, китайцы желают сохранять национальную идентичность и способствовать развитию и прогрессу этнической родине.

Имея огромный потенциал и являясь связующим звеном в экономических, политических и культурных отношениях этнической родины со многими странами мира, армянская диаспора могла бы больше способствовать развитию Республики Армения. Однако на деле используется лишь очень маленькая доля этого потенциала. К сожалению, между диаспорой и Арменией очень низкий уровень доверия, что обусловлено определенными действиями или же бездействиями со стороны политической элиты РА. Мы уверены, что именно армянская диаспора способна стать катализатором развития армянского государства, а опыт Израиля и Китая является тому прямым подтверждением. В контексте вышесказанного приведем слова бывшего министра иностранных дел Ирана Али Салехи: «Будучи маленькой страной, Армения благодаря своей диаспоре может стать влиятельным государством на международной арене»².

Литература

1. Heidhues M. Thailand / The Chinese of Southeast Asia, London: Kelmscott Press, 1992 — 226 p.
2. Long S. The Overseas Chinese // Prospect Magazine, N.Y.: Dite Press, 1998 — 138 p.
3. Murray L. W. The Bamboo Network: How Expatriate Chinese Entrepreneurs are Creating a New Economic Superpower in Asia, N.Y.: Free Press, 1996 — 284 p.
4. Shiwratt W. The Chinese of Southeast Asia, London: Kelmscott Press, 1992 — 197 p.
5. Smalley W. A. Linguistic Diversity and National Unity: Language, Chicago: University of Chicago Press, 1997 — 212 p.
6. Колесник Н. Н. Вьетнам, который нельзя забыть // Народы и страны, Москва: Наука, 1996 — 231 с.
7. Ханна Ник. Сингапур и Малайзия. Путеводитель, Москва: ФАИР, 2010 — 137 с.
8. 李安山 中國華人華僑學, 北京: 北京大學出版社, 2006 — 346

¹ <http://www.gqb.gov.cn/>

² <http://m.echo.msk.ru/blogs/detail.php?ID=1307128>